

"Почему у нас в доме лежит меч, мама?" Мои глаза блестят, как будто меня спрашивают не в первый раз, я люблю мамин меч с эмблемой розы на рукояти, который всегда стоял в корзине у нашей входной двери, сколько я себя помню. Перевожу взгляд на маму, жую губу, замечая ее озабоченное выражение лица. Ее каштановые волосы заплетены в косу и свисают через плечо, когда она сидит и вышивает.

"Ни у кого больше нет таких в домах, и они их ненавидят, хотя этот такой красивый. Почему?"

Джеральдина вздохнула в ответ на мой вопрос. "Ах... Халима. Мы не будем говорить об этом все время".

"Мама... почему?" Я дуюсь.

Мама хмурится и бормочет: "Ладно. По крайней мере, я расскажу тебе одну вещь, Халима, не то что раньше. Как ты знаешь, мой отец умер около десяти или около того лет назад, оставив это мне. Разве ты отдала бы что-то, оставленное таким дорогим для тебя человеком?".

Подумав, я хмурюсь и киваю, понимая. Я подхожу к корзине и тыкаю розу туда, где лепестки складываются все меньше внутрь.

Мама говорит: "Никогда не трогай ее, Халима. Оружие опасно".

"Почему бы тебе не положить его в тот странный металлический сундук на чердаке, если оно такое страшное? Я так не думаю, во всяком случае".

"Тише, Халима. Это было бы..." Ее губы кривятся. "Так всегда было и так всегда будет". Ее иголки щелкают друг о друга, пока она вышивает. "У меня все так, как было, когда он был здесь".

"Хорошо, я думаю". Мои губы сжались. Интересно, разрешит ли она мне когда-нибудь поиграть с ним?

Мама бормочет себе под нос, щелкая иглой во время работы. "Если место меняется слишком сильно, это похоже на..."

"...Чувствуешь, что его здесь больше не будет?" спрашиваю я, оглядываясь вокруг. Я его больше не вижу, значит, дедушки нет. Глупо верить в призраков, не так ли? Неужели мама действительно верит, что он все еще здесь?

"Да. Это правда. Души остаются в Юфонии. Когда мы умираем, наши души остаются в виде духов-хранителей. По крайней мере, так гласят самые древние легенды".

"Я не верю в такие вещи". Я качаю головой. "Когда ты умираешь, тебя больше нет, верно?"

"Посмотри на чудовищ, Халима". говорит мама, на мгновение прекращая вышивать, чтобы твердо посмотреть на меня. "Они - доказательство нашей веры и нашего проклятия, наших грехов, преследующих нас. Мы разгневали богиню, и мы вполне заслужили наказание".

Задумчиво наклонив голову, я поджала губы, и мне в голову пришла идея. "Ты имеешь в виду ту историю о том, как люди превращаются в ужасные вещи, когда умирают? Но это же еще глупее! Как ты могла поверить..."

Мама откладывает вязание и подходит ко мне со свирепым выражением в глазах.

Мне всего восемь лет, но я уже многое поняла, чего, похоже, не понимает никто другой. "Все пилигримы - идиоты, мама! Ты уже рассказывала мне о том, что дедушка всегда говорил... он говорил, что мы должны когда-нибудь просто встать и уйти..."

Мама со свирепым выражением лица дает мне сильную пощечину, оставляя меня в шоке. "Мой отец был очень нечестивым человеком, Халима. Он был склонен к хвастовству и иногда искажал правду. Как бы я его ни любила, он больше всего на свете любил этот меч и острые ощущения от жизни авантюриста, включая меня".

Поглаживая покрасневшую щеку, я тихонько всхлипываю. "Если это правда, почему он остался здесь и заботился обо всех? Он мог бы развлекаться с авантюристами на свободе. Там наверняка есть куда более веселые вещи!".

"Халима! Молчи!" кричит Джеральдина. "Мой отец был слаб, изможден и стар. Ему, конечно, некуда было идти. Когда мне исполнилось двадцать лет, он заболел и долгое время оставался таким. Когда он наконец умер, я кремировала его, чтобы убедиться, что он не восстанет и не пойдет против общины".

Это не имеет никакого смысла для меня... "Он бы не стал, мама! Семья не обижает семью, а он был героем!".

В голове у меня звенит, когда мама снова шлепает меня, еще сильнее. Выражение ее лица свирепое, а из глаз бегут слезы. "Я видела это своими глазами, дитя. Ты еще слишком мала, чтобы говорить о таких вещах. Мы все пытались забыть все те страдания, которые обрушили на нас барон-демон и богиня, но таковы факты, Халима".

Схватившись за лицо и разрыдавшись, я смотрю на Джеральдину расширенными глазами. Она никогда не была меня так раньше. Почему?

"Дитя, не считай, что ты знаешь моего отца лучше меня". Джеральдина трясет пальцем у меня под носом. "Он не был твоим дедушкой. Ты не имеешь права называть его так!"

"Но... я... если ты моя мама... он... он..."

Джеральдин отдергивает руку, дрожа от расстройства.

"Уважай нашу веру, Халима. Если ты хоть раз нарушишь наши традиции, Алвера обрушит на твою голову свою божественную кару, как на голову той бедной женщины, которая..."

Джеральдина закрывает рот рукой.

Отойдя от мамы, я сторонюсь ее, боясь этой нетипичной для нее вспышки гнева. "Но я хочу быть такой же, как он, мама... Я... Почему он не может быть моим дедушкой? Ты рассказывала о нем много лет назад, и даже другие пилигримы..."

"ХАЛИМА!" - кричит она на меня и бежит на меня в ярости, как один из тех монстров из ее сказок, с красным лицом в крапинку.

Плача, я выбегаю изнутри нашего дома и бегу к берегу реки. Туда, где я могу немного подумать и поплакать в одиночестве. Мои ноги перестают стучать по земле, когда я продираюсь сквозь кустарник на берегу реки и опускаюсь на песчаный берег, чтобы взглянуть на свое отражение. Мое лицо красное, глаза красные, а на лице красные следы от маминых пощечин. Мои светлые волосы блестят в солнечном свете, а голубые глаза влажно блестят, хотя разве может что-то выглядеть влажным, отражаясь в реке? Стоя на коленях с дрожащими губами, я подбираю речной камень и бросаю его так далеко в реку, как только могу его туда закинуть.

Мои глаза затуманиваются, когда я думаю. Я совсем не похожа на маму. Может быть, поэтому он не мой дедушка? Неужели это правда? Семья не причиняет вреда семье, верно? Я тихонько фыркаю, надеясь, что мама придет за мной и извинится за то, что отшлепала меня очень сильно, но она этого не делает. Почему? Моя мама нежная и добрая, верно?

Рука легонько пихает меня сзади, и я оглядываюсь через плечо. "Мама!" восклицаю я, краснея, когда вижу, что это просто глупая Гарденин.

"О...", - мягко говорит она, угрюмо глядя на меня. "Что случилось, Халима?"

С хныканьем я обнимаю Гарденин, всхлипывая.

"Что случилось?" - спрашивает она.

Некоторое время я молчу, просто даю себе волю, плача на плече Гарденин. Она гладит меня по спине, пока я не отстраняюсь и не смотрю в сторону.

Гарденин смотрит, как я сижу на корточках на берегу, и, наконец, устраивается рядом со мной, чтобы вместе со мной бросать камни в реку, без слов. Она дает мне время собраться, и я

начинаю чувствовать себя лучше. Я благодарна ей за компанию.

"Мама сильно меня ударила". наконец признаюсь я, снимая свои мягкие туфли, чтобы окунуть ноги в прохладную воду. Я смотрю на свои пальцы ног, их искаженное изображение колеблется под поверхностью ручья, и прилив воды, текущей между пальцами, кажется чудесным.

"О... мой собственный папа бил меня один или два раза". Гарденин говорит так, будто почти хвастается этим. "Он всегда был прав. Правда? Я играла в нашем саду и кое-что испортила, копалась там и случайно погубила несколько посевов. Кажется, я рассказывала тебе, когда это случилось, да?"

Я киваю, глядя на своего единственного друга с небольшой улыбкой. "Да. Думаю, это должно было когда-то случиться, но я не думаю, что сделала что-то плохое. Все, что я сделала, это переспросила, почему мама держит дедушкин меч рядом".

Гарденин хихикнула, покачав головой. "Все говорят, что твоя мама Джеральдина была немного сумасшедшей с тех пор, как умер ее отец, оставив ее одну, а потом у нее таинственным образом появилась ты. Раньше она пела одна и так громко, что все могли слышать ее за пределами ее хижины". Гарденин тихонько хихикает, и когда ей что-то приходит в голову, она смотрит на меня суженными глазами, наклонив голову. "Эй, Халима. Ты уже слышала о том, откуда ты пришла?"

Я отрицательно качаю головой и вздыхаю, пожимая плечами. "Неа... Мама не хочет об этом говорить. Может быть, я из другой деревни или еще откуда-то, где живет больше нашей семьи".

Гарденин думает об этом, перебирая свои длинные каштановые волосы. "Я не... Я не думаю, что кто-то из вас был пилигримом. Джеральдина не пытается полностью вписаться в нашу жизнь. Она не расстается со старым ржавым мечом, из-за чего люди смотрят на нее косо. Более того, она одна с тобой, Халима. Она никогда не пыталась взять себе мужа среди нас, так что если ты не пилигрим, то откуда ты взялась?"

Пожевав губу, я отрицательно качнула головой. "Я не знаю. Она даже не говорит мне, откуда берутся дети".

Гарденин смотрит на меня и морщит нос. "Я... я тоже не знаю. Я думаю, это происходит, когда вы выходите замуж, как магия".

"О... может быть... В этом мире есть много странных вещей, которые мы не понимаем". Я хихикаю, и она начинает смеяться вместе со мной, подбирая другой речной камень, она пускает его по течению.

Наблюдая за тем, как он рассыпается там, где утка отдыхает на медленном течении, заставляя ее взлететь, Гарденин снова смотрит на меня. "Ты узнала много нового об отце твоей мамы? Я

думала и гадала об этом. Единственным мужчиной, который был близок к твоей маме, был он. Значит... он... и она... и потом они вместе творили магию, а ты?"

"Н-нет!" Я встаю и сердито топаю, разбрызгивая воду вокруг. "Они не творили магию вместе! Мама ничего не знает!"

Гаренин хмурится и пожимает плечами, вставая. "Знаешь, я слышала, как другие пилигримы иногда говорили непристойные вещи о тебе и о ней, но..."

Я громко задыхаюсь, мои глаза расширились. "Они сплетничают о нас и говорят гадости? Почему? Мама красивая, а ее вышивка..."

"Это не имеет большого значения, Халима", - твердо говорит Гарденин. "Вы обе чужие. В конце концов, вы не всегда были пилигримами, как мы. Все говорят, что южане - безнравственные и нечестивые звери. Если вы не всегда были пилигримами, значит, вы должны были ими быть..."

"Гарденин, это подло! Почему ты намекаешь, что дедушка и мама... и почему ты говоришь, что мы не пилигримы?". Дико размахивая руками, я неистово краснею.

"Значит, это не так?" Гарденин стоит, нахмурившись. "Ладно, если я ошибаюсь, то откуда ты взялась? Как я уже сказала, она никогда не ухаживала за мужчинами".

"Я не знаю!" кричу я на Гарденин. В ответ на мой гнев, у нее появляется сердитое выражение лица, и мы начинаем смотреть друг на друга. Почему она пристает ко мне? Неужели имеет значение, откуда я пришла? Откуда взялась ОНА? С Луны?

"Ты совсем на нее не похожа". Гарденин, остывая, расхаживает взад-вперед, добавляя: "У нее темные волосы, а у тебя - яркие. Ты очень худая, а она пухлая. Люди, которых я спрашивала, говорили мне, что ее отец был немного полноват, как и она, когда строил здесь дом".

"Не говори так о моем дедушке! Он не был толстым, и моя мама тоже!"

"Конечно, толстая". Гарденин хрипит и скрипит зубами. "Ты что, слепая? Джеральдина действительно толстая! Ложь ни к чему не приводит, так говорят мои предки. В любом случае, с тех пор как ты появилась, она стала еще толще".

Моргая от ее оскорблений, я кричу. "А-а-а-а!!! Она не толстая!" Как я могу заткнуть ей рот? Неужели она всегда была ужасным человеком? Нет, как я могу отомстить ей?!

"Мне жаль, Халима", - говорит Гарденин с твердым взглядом в глазах. "Но я повторю еще раз. Я не думаю, что ты действительно одна из нас с этими твоими золотыми волосами". И вообще, что это за имя - Халима? Ни у кого из нас нет такого инозвучного имени, как у тебя".

"Что за имя должно быть "Гарденин"?" воинственно спрашиваю я. "Держу пари, твой папа выходил за пределы твоего дома, когда они занимались магией и ты родилась. Наверное, он посмотрел на тот сад, в котором ты любишь играть, и решил назвать тебя в честь него - Гарденин!".

Гарденин вытаращилась на инсинуацию, шок окрасил ее лицо в темный цвет с растущей яростью. "Халима!"

Она топчет землю и брызжет слюной, крича: "Что сделал твой отец? Э-э-э... О! У тебя его нет! Твоя мама, у нее была миска лимских бобов однажды утром, она очень смеялась и родила тебя? ХА-Лима-бобы!"

Мои глаза расширяются от возмущения, чувствуя неловкость за ее неумный, неприятный ответ, я не могу сдержать себя. Бросаюсь на Гарденин, мы боремся, падаем вместе в реку, толкаем друг друга взад и вперед, бросаем друг друга еще глубже в реку, оба кричим и визжим. Сами того не замечая, мы все ближе подбираемся к самому быстрому и опасному течению. Брызги летят друг на друга, наши крики становятся все громче и все пронзительнее, пока мы сражаемся, приближаясь настолько, что можем ударить друг друга. Гарденин хватает в горсть мои волосы и раскачивает меня за них. Я тянусь вверх и наматываю ее узел на свой, пока мы таскаем друг друга за волосы.

Голос с берега кричит нам: "Девчонки! Вернитесь на берег!" Это мамин голос. Я напрягаюсь, чтобы повернуться и посмотреть на нее со слезами на глазах, но Гарденин еще не закончила со мной. Она тащит меня в реку и держит мою голову под водой. Я сопротивляюсь и раскидываю руки, чтобы вырваться из ее хватки. Задышавшись, я вдыхаю воду, и моя голова становится легкой.

В панике размахивая руками, я чувствую, как меня затягивает в реку и перед глазами появляются искры. Оказавшись на дальнем берегу, я отдыхаю на песке, держа голову над водой. Я смотрю на реку головокружительными, искрящимися глазами, яростно выкашливая воду. Сидя на дальнем берегу, наполовину еще погруженный в воду, я наклоняюсь вверх, делая болезненные, обжигающие вдохи.

Через реку от меня Гарденин лежит на берегу, где мы сидели. Мама наклоняется над ней, надавливая на грудь. Изо рта Гарденин вырывается струйка воды, она задышавшись и плачет.

Положив голову на землю, я плачу в одиночестве.

Сидя в густой траве с россыпью цветов, я трясую головой, вытирая слезу из уголка глаза. Оглядевшись вокруг, я не вижу ничего интересного, кроме леса, освещенного оранжевым закатом.

Вейна больше нет со мной. Неужели он сражается с чудовищем Джеральдайна? Как долго я пролежал без сознания? Я прикрываю свое тело, тревожась, и мне становится холодно.

Я как-то больше стесняюсь своей наготы, даже если рядом никого нет. Стоя, я вглядываюсь в заросли деревьев на склоне горы и осматриваю всю долину, над которой возвышается эта гора. Недалеко от центра, у извилистой реки, вверх плывет слабый дым.

Должно быть, это то, что осталось от Пайнсдейла.

Переведя взгляд в противоположном направлении, я не вижу входа в пещеру нигде на склоне горы надо мной.

УХОДИ, ХАНА! БЕГИ СЕЙЧАС ЖЕ! Беги как можно дальше! говорит мне Вейн.

Я решаю, что даже если я не вижу пещеру, она все равно может быть достаточно близко, и если Вейн погибнет в схватке, огр может прийти за мной. Посмотрев на длинную траву вокруг себя, я не вижу и меча, который держал в руках, а значит, у меня нет ничего, что могло бы помочь мне выжить.

Куда может пойти обнаженная молодая женщина и быть в безопасности? Это место далеко не эдем. Внизу наверняка много скрытых опасностей, а я совсем один.

Присмотревшись внимательнее к траве под собой, я вижу несколько плодов, похожих на груши, разбросанных среди мелких цветов, которые я вытряхнула при падении. Я смотрю на близлежащие деревья и замечаю одно из них, на котором растет еще больше таких плодов. Нагнувшись, чтобы подобрать упавшие плоды, я пожимаю плечами, гадая, не ядовиты ли они.

Нет. Я осторожно нюхаю один из них, улавливая цитрусовый запах, смешанный со знакомым запахом.

Я уверен, что они не вредны, поскольку Халима помнит, как ела их, выращенные в саду Джеральдины. Откусив от одного, я смотрю в сторону деревни, но вкус так хорош, что я снова опускаю глаза и с жадностью поглощаю остальные, включая косточку. Переключившись на второй фрукт, я съедаю его почти целиком, не сбавляя темпа. Когда я заканчиваю, и сладкий фруктовый сок вытекает из уголков моего рта, я наклоняюсь и собираю еще несколько штук на потом.

Мне нужно двигаться, куда-нибудь подальше отсюда.

Заставляя ноги двигаться, я пробираюсь по склонам скал, скатываюсь с горок, проверяя их, чтобы убедиться, что они достаточно безопасны. Карабкаясь вниз по склону горы и вдоль него на некоторых участках моего похода, я продолжаю идти, пока не достигаю более ровной земли. Пока я работаю, солнце выглядывает из-за далеких гор на западе. В поисках куста, в котором можно было бы переночевать, я дрожу, обхватывая себя руками, так как то тепло, что еще оставалось в воздухе, исчезает. Заметив заросли густой листвы, я проталкиваюсь внутрь, заставляя листву шуршать вокруг, и когда нахожу поляну, на которой какое-то животное устроило себе логово, присаживаюсь в траве, раскладывая на дерне рядом с собой запасы еды.

Мне очень нужна одежда и укрытие.

Вспомнив видео о бушкрафте, которое я вскользь просмотрел, отдыхая перед сном, я хмурюсь, не припоминая ничего из того, что могло бы мне сейчас помочь. Я не могу копать, у меня нет инструментов.

Я мог бы собирать ветки и тому подобное, чтобы сложить что-нибудь, но эти деревья не слишком большие, и многие из них - сосны.

Услышав жужжание близлежащих насекомых, я вздохнул. Меня тоже могут укусить насекомые, может быть, есть какие-то ядовитые, о которых я не знаю. Что за опасности таятся вокруг меня? Уф...

В этих горах не так уж много населенных пунктов, куда можно сбежать. Это заставляет меня задуматься, откуда взялась Халима, когда та женщина принесла ее в Пайнсдейл. Никогда не покидавшая свою деревню и учитывая, что пилигримы остались в этой долине после того, как поселились здесь, Халима не обладает знаниями, которые могли бы помочь мне найти живую, процветающую деревню. Она знает только, что они где-то есть. Здесь мне практически не повезло.

Мне придется побродить вокруг и посмотреть, что я смогу найти полезного. Все, что может предложить мне память Халимы, - это мысли о разнообразных кореньях и плодах, которые можно есть. То, что она знает о вышивании, не поможет мне сделать палатку, без материалов. Вот дерьмо.

Если вспомнить мои недавние сны, то при мысли о выживании мне больше всего приходит на ум меч деда Халимы с розой на рукояти. Повернув голову в направлении деревни, я думаю о том, где я могу найти меч и сундук, о которых помнит Халима. Сделанные из металла, они, скорее всего, уцелели после сожжения дома.

Несмотря на то, что сундук всегда был заперт, я думаю, что, возможно, я смогу найти способ открыть его. Если вокруг дома Халимы все еще бродят какие-то монстры, я не уверен, что могу так рисковать.

Решив, что темнота может быть полезной в операции по восстановлению, я иду дальше, съедая еще половину одного фрукта. Я благодарен, что у меня хотя бы есть обувь, особенно когда под неуклюжим шагом лопается шишка, а сосновые иголки хрустят при каждом шаге, когда я прохожу через густые заросли сосен. Тяжелый сосновый аромат разносится, как ладан, и пахнет так, как и должно пахнуть. Нарушая ритм хрустящих звуков моих шагов, откуда-то неподалеку доносится громкий вой.

Что бы ни издавало этот звук, он звучит довольно злобно, как волк.

Присев в кустарнике, я лежу в сухих сосновых иголках и прислушиваюсь. Их мускусный аромат

окружает меня, пока я тихо слушаю.

<http://tl.rulate.ru/book/75953/2261072>